

УДК 821 (Литература на отдельных языках)

ЧТО ТАКОЕ МИФ ОБ ЭДИПЕ: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СЮЖЕТА

© 2021 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук (Дания),
профессор-эмеритус.

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР).

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 24.01.2021

Объект статьи. миф об Эдипе. **Предмет статьи:** структура сюжета об Эдипе. **Цель исследования:** выявление специфики сюжета об Эдипе, отличающей его от традиционного сюжета сказочного канона. **Методология работы:** применены методы структурно-семантического анализа. **Результаты:** специфика сюжета об Эдипе связана с «профетической» ролью, которую играет в нем сочетание числового мотива с мотивом ног. Этот мотивный комплекс, выраженный в загадке Сфинги прилагательными «четырёхногий», «двухногий» и «трехногий», соединяет между собой ключевые компоненты структуры: загадку, судьбу Эдипа и имя Эдипа (Οἰδίπους). Содержание загадки о существе с меняющимся числом ног имеет семантическое соответствие 1) в биографии Эдипа (после самоослепления он опирается на посох, становясь «трехногим»); 2) в имени Эдипа (закрывающем в себе предвещание ответа на загадку, так как часть имени - δίπους - означает «двухногий», то есть «человек»); 3) в числовой символике (Эдипу нет «трех дней» от роду, когда родители обрекают его на смерть; он убивает отца на распутье «трех дорог»). **Область применения:** литературоведение. **Вывод:** Сюжет об Эдипе представляет собой результат семантической адаптации (приспособления) фольклорной легенды о герое к древней загадке о «многоногом» существе посредством интеграции художественных образов, связанных с числовым мотивом и мотивом ног. Систематическое проведение мотива «чисел» и мотива «ног» на всех уровнях структуры сюжета позволяет предположить, что «говорящее» имя Οἰδίπους («пухляк» и «двухногий») было интегрировано в фольклорную легенду для ее семантической адаптации к нумерологической загадке про «ноги». Автор благодарит Светлану Грачеву, Дана Уитмена и О.Б.Заславского за стимулирующее обсуждение и ценные советы.

Ключевые слова: миф, сюжет, Эдип, Сфинга, сюжет, структура, мотив, предвещание.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-110-115

Миф. Что такое миф об Эдипе? Многозначное понятие «миф» интерпретируют по-разному: как раннюю форму мировосприятия; отражение событий реального прошлого; народное сказание о подвигах легендарных героев или богов. Иногда миф отождествляют со сказкой. Греческое слово μῦθος (миф) в значении «речь», «разговор», «высказывание» встречается уже в эпических поэмах Гомера. Однако в литературоведческом смысле его впервые употребил Аристотель в трактате «Поэтика». Рассуждая о том, как должен быть «организован» (συγῳημι) миф и каким должно быть «сочетание действий» (συντάξεως τῶν πραγμάτων), дабы вызвать у зрителя «страх и сострадание», Аристотель приводит в пример Οἰδίπου μῦθον - Эдипа миф [1, с. 1453b]. Говоря современным языком, речь идет о структуре сюжета об Эдипе — именно так мы и будем понимать термин «миф».

Гомер. Первые фрагментарные упоминания сюжета об Эдипе встречаются в литературных памятниках VIII-VI вв. до н.э. В «Одиссее» Гомера говорится, что Эдип «умертил» своего отца и «в жены мать свою взял» (XI, 273-74. пер. В. Вересаева). У Гомера уже присутствует мотивы *отцеубийства* и *инцеста*, составляющие костяк сюжета, однако у него еще нет ни

чудовищной *Сфинги*, ни *загадки*, которую в поздних версиях сюжета разгадывает Эдип.

Гесиод. Гесиод в «Теогонии» не упоминает Эдипа, зато у него появляется «грозный *Сфинкс*» (правильно Сфинга, так как греческая Σφίγξ женского рода, - В.П.), рожденный «в гибель кадмейцам» (Теогония, 326. пер. В. Вересаева). Кадмейцы — жители города Фив (основанного прадедом Эдипа Кадмом), которые страдали от Сфинги, убивавшей всех, кто не мог решить ее загадку. В «Теогонии» упоминается *Сфинга*, но еще нет *загадки*. Однако в «Трудах и днях» обнаруживаем слова: «Выглядят люди тогда, как *триногий* (τρίποδι) / С сгорбленной круто спиной, с головою, к земле обращенной» (Гесиод. Труды и дни. Строки 534-35. пер. В. Вересаева). Впервые в поэтическом тексте слово «триногий» («трехногий») употреблено как метафора старика, опирающегося на палку. Позже образ «трехногого» существа станет частью *загадки Сфинги*: «утром на четырех ногах, днем на — на двух, вечером — на трех».

Пиндар. Предсказание, согласно которому Лаий должен погибнуть от руки своего сына, появляется в V веке до Р.Х. во Второй Олимпийской оде Пиндара: «Так роковой сын Лаия / Умертил встреченного отца / Во исполнение древнего вещания пифии» [2, с. 39-40]. Пиндар

упоминает *предсказание* оракула об отцеубийстве, но умалчивает об инцесте.

От Эсхила до Овидия. В драматургическом жанре Эдип становится действующим лицом утраченной трагедии Эсхила и дошедших до нас пьес Софокла («Царь Эдип», «Эдип в Колоне») и Еврипида («Финикиянки»). Эдипу посвящены трагедии Ахея Эретрийского, Ксенокла Старшего, Филокла, Диогена, Теодекта, Ликофрона, пьесы Цезаря и Сенеки. Отзвуки сюжета об Эдипе находим в «Метаморфозах» Овидия, который говорит о сыне Лаия, разгадавшем *загадку* («Лайя сын разгадал те реченья» - книга VII, строка 759). Наиболее известные прозаические версии сюжета об Эдипе принадлежат псевдо-Аполлодору, Диодору, Павсанию и Гигину.

Зулу и монголы. Давно замечено, что сюжет об Эдипе похож на традиционный сказочный сюжет: «В фольклоре сюжет Эдипа известен в форме сказки, легенды, эпической песни, лирической песни и народной книги. <...> в литературе, имеющей полуфольклорный характер, он известен в форме трагедии, драмы, поэмы, новеллы. Он известен у всех европейских народов, а также в Африке (зулу) и у монголов» [3, с. 260]. Здесь необходимо сделать пояснение: в фольклорных версиях сюжета, в частности, африканских или у народов Океании, герой носит другое имя. В этой связи правильнее говорить о сюжете эдиповского типа. Мы рассматриваем не вообще сюжет, в котором есть отцеубийство, трудная задача и инцест, а собственно сюжет об Эдипе, в котором герой носит говорящее греческое имя Οἰδίπους. Таких версий также весьма много и все они, как правило, даже самые классические, например, «Царь Эдип» Софокла и «Финикиянки» Еврипида, отличаются друг от друга.

Формула сюжета. Обобщенная схема сюжета под условным названием «Oedipus» приведена в указателе фольклорных сюжетов (так называемом индексе Аарне — Томпсона), в котором он обозначен под номером 931 в разделе «Реалистические сказки» под рубрикой «Сказки судьбы»: **«Как предсказано в пророчестве, герой убивает своего отца и женится на своей матери»**. Эта формула сюжета расшифрована в указателе в виде последовательности ключевых событий: 1. **Предсказание отцеубийства**; 2. **Оставление ребенка на произвол судьбы с целью избежать предсказания**; 3. **Спасение ребенка**; 4. **Попадание ребенка на воспитание в чужую семью**; 5. **Непреднамеренное убийство отца согласно предсказанию**; 6. **Инцест с матерью** [4, с. 931].

Отцеубийство и инцест. К. Леви-Стросс, который описал инвариантную структуру мифа

об Эдипе как совокупность всех его вариантов, рассматривал убийство и инцест как повторяющиеся в разных версиях мифа мотивы, выражающие более абстрактную оппозицию «недооценка-переоценка» родственных отношений [5, с. 428-444]. Наши представления о мифе об Эдипе так или иначе связаны с мотивами *отцеубийства и инцеста* - кровосмесительного брака героя с матерью. Между тем, оба эти мотива широко распространены как в мифологии, так и в фольклоре и не являются специфичными для одного только сюжета об Эдипе. Уран отрезал родному отцу детородный орган и зашвырнул его в море, что в символическом смысле равнозначно *отцеубийству*. Одиссей гибнет от руки своего сына Телегона. Алфемен убивает Катрея, не зная, что это его отец. Мотив *инцеста* также хорошо известен: богиня Земли Гея имела двенадцать детей от своего сына Урана; Диоген Лаэртский передает легенду об инцесте коринфского тирана Перикла со своей матерью Кратеей. Соединение мотивов *отцеубийства* и *инцеста* в сюжете об Эдипе в единый комплекс представляется трансформацией изначальной фольклорной схемы: 1) убийство царя его наследником; 2) женитьба героя на принцессе, что сопрягается с его предварительным испытанием - решением трудной задачи (согласно сказочному канону). По мнению В.Я. Проппа, мотив инцеста в сюжете об Эдипе возник в результате совмещения в едином фольклорном образе разных общественных отношений: Эдип - «сын и жених одновременно. С устранением дочери царя ее роль в фольклоре переходит на вдову царя. Эдип вступает в брак с матерью» [3, с. 292]. Поскольку ключевые мотивы *отцеубийства* и *инцеста*, входящие в сюжет об Эдипе, встречаются во многих мифах и в фольклоре, то возникает вопрос: а есть ли у сюжета об Эдипе собственная уникальная специфика или это лишь вариант традиционного сюжета о герое сказочного канона?

Царский сюжет. В своей классической работе «Эдип в свете фольклора», посвященной сходству и различию между сюжетом об Эдипе и каноническим сюжетом волшебной сказки, В.Я. Пропп приходит к выводу, что, с одной стороны, «Эдип — это исконно царский сюжет, как и подлинная волшебная сказка, он кончается воцарением», а с другой, - «сюжет Эдипа откалывается от волшебной сказки <...> События сходны со сказочными, но и отличаются от них. Прежде всего бросается в глаза *отличие последовательности*. В сказочном каноне сперва дается трудная задача, а затем уже следует убийство царя. В Эдипе сперва происходит убийство царя, а затем уже дается трудная задача освободить город от сфинкса.

<...>граждане объявляют наградой руку царицы-вдовы и царский венец тому, кто освободит их от бича. В патриархальном понимании наследник не мог стать царем при жизни старого царя. Следовательно, обещание царства может быть дано только после смерти царя. <...>царь сперва должен быть убит, а затем уже может быть дано обещание царства и руки царевны. Наоборот, при матриархальном строе сперва появляется наследник, жених дочери, а затем уже старый царь устраняется или, по-сказочному, делит с ним свое царство. В волшебной сказке поэтому клич исходит от самого царя, а в «Эдипе» он исходит от граждан города Фив, лишившихся своего царя» [3, с. 264, 288]. Отличие сюжета об Эдипе от сюжета волшебной сказки связывается с изменением исторической практики престолонаследования. По словам В.Я. Проппа, образ Сфинги «есть результат ассимиляции царевны, задающей задачу или загадку, и змеи, требующей себе человеческой дани <...> здесь мы с точки зрения сказочного канона имеем *трудную задачу; самое содержание задачи для нас безразлично* (разрядка моя,- В.П.)» [3, с. 289]. Между тем, нам представляется, что именно *содержание загадки (трудной задачи)* имеет принципиальное значение для понимания специфики сюжета об Эдипе и определения его отличия от традиционного сюжета волшебной сказки. С нашей точки зрения, содержание загадки всюжете об Эдипе играет *профетическую роль*, заключая в себе *скрытое предвестие* судьбы героя в иносказательной форме.

Сколько было загадок? Существует стереотипное представление, согласно которому Эдип решает одну загадку. Между тем, в пьесе Софокла «Царь Эдип» говорится не об одной загадке, а о нескольких: «Οἰδίπους ὅδε, ὁστὰ κλείν' αἰνίγματ' ἦδει» (OT, 1524-1525) - «Вот, смотрите - вот Эдип, / Он, **загадки** разгадавший» (пер. Ф.Ф.Зелинского); «Эдип, И **загадок** разрешитель» (пер. С.В. Шервинского). Слово **αἰνίγμα** [ājiniŋma] (**загадка**) поставлено в форме множественного числа **αἰνίγματα**. И это не ошибка и не случайность: те же слова о загадках — во множественном числе, вложены в уста самого Эдипа в другой пьесе - «Финикиянках» Еврипида: «Οἰδίπους ὅδε, ὁστὰ κλείν' αἰνίγματ' ἔγνων» (Phoen., 1759) - «Вот Эдип, разгадавший знаменитые **загадки**» (пер. В.П.). Так сколько же загадок разгадывал Эдип?

День и ночь. В книге X «Пира мудрецов» древнегреческого автора Афиней (II-III в н.э.) приводится загадка из утраченной трагедии об Эдипе, написанной Теодектом (IV в до н.э.): «εἰσι κασιγνήται διταί, ὧν ἡ μία τίκτει / τῇνέτεραν, αὐτῇδέ τε κοῦσ' ὑπὸ τῇσδε τεκνοῦται» [6, с. 10.75] - «Жили-были две сестры, одна из которых рождает другую и, родив ее, сама рождается из той, которую носила». Ответ: «день и ночь». В

греческом тексте употреблено слово κασιγνήτη, которое обозначает не только сестру, но вообще кровных родственников - сиблингов, например, братьев или и брата, и сестру. Поскольку от утраченной трагедии Теодекта «Эдип» сохранился лишь один фрагмент, а именно — эта загадка, то вероятно, она *была одна из загадок, предложенных Эдипу* [7, с. 1.72]. Загадка имеет и альтернативный ответ, связанный с мотивом инцеста: ведь родить (произвести на свет) собственного сиблинга, то есть, своего единокровного брата или сестру, можно только от собственной матери. Эта интерпретация загадки имеет соответствие в сюжете об Эдипе: вступив в кровосмесительную связь с собственной матерью, он стал отцом четверых детей — одновременно своих родных братьев и сестер. Тем самым, загадка о «дне и ночи» заключает в себе *скрытое предвестие судьбы Эдипа*.

Море. В фольклорных версиях сюжета встречается и другая загадка, которую мог разгадывать Эдип: «Кто рождает детей, а потом забирает их назад?». Ответ: «*море*» - оно «рождает» волны, а затем «забирает» их назад в свои глубины. Завуалированный в загадке мотив ребенка, который возвращается в лоно матери, также *содержит намек на инцест*, отражающий события сюжета об Эдипе [8, с. 152]. В загадке о «море» мы снова имеем дело со *скрытым предвестием судьбы Эдипа*.

Многоногое существо. Самая известная загадка, которая была предложена Эдипу - это загадка Сфинги о «многоногом» существе, точнее, о существе с меняющимся числом ног. В пьесах Софокла эта загадка отсутствует, но ее содержание известно из других источников: «Какое существо, имея один и тот же голос, становится поочередно **четыреногом, двуногом и трехногом?**» [9, с. 83]— «τί ἐστιν ὃ μίαν ἔχον φωνὴν τετράπουν καὶ δίπουν καὶ τρίπουν γίνεται <...>» [10, с. 348]. Ответ Эдипа: «человек: ибо в детстве он ползает на *четырёх* конечностях, когда человек становится взрослым, он ходит на *двух* ногах, а в старости он берет в качестве *третьей* опоры палку» [9, с. 83].

Эротический подтекст. Нумерологическая загадка о существе с меняющимся числом ног, имеющая индоевропейские корни, существовала как автономный текст, который изначально не был связан ни со Сфингой, ни с Эдипом. Еще до соединения этой загадки с легендой об Эдипе в античности были известны ее эротические интерпретации: «у мужчины и женщины, когда они занимаются любовью, в общей сложности четыре ноги, у женщины - две, а у мужчины — три, если считать его пенис» [11, с. 265]. Хотя легенда об Эдипе и загадка Сфинги изначально были разными, независимыми друг от друга

текстами, мы рассматриваем сюжет, в котором они уже переплетены в единое целое. В результате интеграции загадки в легенду об Эдипе эротический подтекст приобрел семантическое соответствие в сюжете: *загадка стала скрытым предвестием женитьбы Эдипа.*

Загадка о человеке. Все три приведенные выше загадки, упомянутые в разных источниках в связи с сюжетом об Эдипе, допускают альтернативный ответ, основанный на эротическом подтексте. В этом смысле все эти загадки имеют функциональное сходство: они «подготавливают брак и воцарение», как в сюжете о герое сказочного канона. Однако загадка про существо, которое меняет число ног, имеет в сюжете об Эдипе особую значимость.

Специфика сюжета. С нашей точки зрения, специфика сюжета об Эдипе связана с той «профетической» ролью, которую играет заключенное в этой загадке *сочетание числового мотива и мотива ног*. Этот мотивный комплекс, выраженный в загадке Сфинги (по версии псевдо-Аполлодора) прилагательными «четырехногий», «двухногий» и «трехногий», семантически соединяет между собой ключевые компоненты структуры сюжета: *загадку, судьбу Эдипа и имя Эдипа.*

Содержание загадки. Уникальная особенность загадки про существо с меняющимся числом ног в сюжете об Эдипе (в отличие от «трудной задачи» для героя в традиционном сказочном сюжете) заключается в том, что ее *содержание* имеет соответствия: 1) в *биографии Эдипа* (у Эдипа изменяется число ног: опираясь на посох после самоослепления, он становится «трехногим»); 2) в *«говорящем» имени Эдипа* («пыхлоногий», «двухногий»); 3) в *числовой символике, связанной с Эдипом* (Эдипу нет «трех дней» от роду, когда родители его обрекают на смерть; Эдип убивает отца на распутье «трех дорог»). Разберем эти пункты по порядку.

Биография Эдипа. Сопоставление зашифрованных в загадке «про ноги» трех этапов жизненного пути человека «вообще» (детство — на четырех ногах, зрелость — на двух, старость — на трех) с биографией самого Эдипа, обнаруживает как сходство, так и различие. Различие состоит в том, что Эдип вынужден перемещаться на четырех конечностях не только потому, что он ребенок, но прежде всего из-за травмы ног — после рождения ему были проколоты сухожилия на лодыжках; на две ноги он встал не столько потому, что повзрослел, сколько в результате излечения изуродованных ног. Наконец, Эдип опирается на посох не по причине старости, а из-за того, что он выкалывает себе глаза. Посох старца оказывается посохом слепца [12, с. 293]. Часто упускают из виду, что Эдип становится

«трехногим», когда он еще совсем не старик. В этой связи третья, последняя часть загадки - «о трехногом существе» - является не метафорой предстоящей старости Эдипа, а *скрытым предвестием события его жизни — самоослепления, в результате которого он становится «трехногим».*

Имя Эдипа. Народная этимология толкует имя Οἰδίπους [oidípos] как «пыхлоногий» («с распухшей ногой»): префикс οἰδ- [oid-] в имени Οἰδίπους [oidípos] созвучен с глаголом οἰδέω [oideo] — «набухать» «пыхнуть», а πούς [poús] означает «нога». В имени «пыхлоногого» Эдипа заключен намек на то, что, во-первых, он решит загадку Сфинги «про ноги», а во-вторых, разгадает загадку собственного прошлого, связанного с детской травмой ног, которая сделала его «пыхлоногим». Если внимательно присмотреться к греческому имени Οἰδίπους (Эдип), то можно увидеть, что оно фонетически «отражается» в тексте загадки Сфинги. Часть имени Οἰδίπους - δίπους означает «двухногий». «Двухногое» существо (δίπους) фигурирует в загадке. А ведь «двухногий» — это и есть «человек» (άνθρωπος), то есть, ответ Эдипа на загадку. И хотя этимологически последний слог греческого слова άνθρω-πος («человек») связан со словом ὤψ (ōps) - «лицо, внешний вид», акустически он перекликается с πούς — ногой. Эдип как бы раздвоен: он и «двухногий» (δίπους) - по имени, он и «человек» (άνθρωπος) — по природе. Ответ на загадку герой носит в собственном имени. Эдип и есть разгадка. Загадка «про число ног» выступает в роли *скрытого предвестия разгадки, заключенной в имени Эдипа - «двухногий - человек».*

Числовая символика. Числовой архетип, заключенный в загадке о существе с меняющимся числом ног (4-2-3), перекликается с числовой символикой, связанной с Эдипом. Наибольшую значимость в загадке и мифе имеет число «три», которое является символической меткой Эдипа: ему нет и «трех дней» от роду, когда он выброшен из дому; он убивает отца на распутье «трех дорог»; отца он убивает дорожной палкой, на которую опирается при ходьбе, то есть, в этот момент он в символическом смысле «трехногий»; ослепив себя, Эдип опирается на ту же палку — ходит на «трех ногах». В этой связи заметим, что строки о распутье «трех дорог» (καί σοι ... τριπλής — 800, OT - «Когда уж близок был к распутью я» - пер. Ф. Зелинского) не было в каноническом манускрипте пьесы Софокла XI века. Эта строка была добавлена на полях рукописи другой рукой лишь в начале XIV века [13, с. 15], что усилило связь между содержанием загадки и числовой символикой мифа.

Заключение. Сюжет (или «миф») об Эдипе представляется нам результатом семантической адаптации фольклорной легенды о герое к древней нумерологической загадке о «многоногом» существе посредством добавления в литературные версии художественных образов, связанных с числовым мотивом и мотивом ног. Настойчивое и систематическое проведение мотива «чисел» и

особенно мотива «ног» [14, с. 102] на всех уровнях структуры сюжета, включая лексический и метафорический [8, с. 36-51], позволяет предположить, что «говорящее» имя Οἰδίπους («пухлоногий» и «двуногий») было интегрировано в фольклорную историю для ее «приспособления» к загадке Сфинги. Таким образом, миф об Эдипе оказывается фоном древней нумерологической загадки.

1. Aristotle. ed. R. Kassel. Aristotle's Ars Poetica. - Oxford: Clarendon Press, 1966. - 1453 b.
2. Пиндар. Оды. Фрагменты. Вторая Олимпийская песня. - М.: Наука, 1980. - С. 39-40.
3. Пропп, В. Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. - М.: Наука, 1976. - 328 с.
4. Aarne-Thompson. ATU-AT-Motif: Realistic Tales. - 931.
5. Levi-Strauss C. The Structural Study of Myth // The Journal of American Folklore. Vol. 68, No. 270. Myth: A Symposium (Oct.- Dec., 1955). - PP. 428-444.
6. Athenaeus. Deipnosophistae. Kaibel. In Aedibus B.G. Teubneri. - Lipsiae, 1887. - С. 10.75.
7. Tragicorum Graecorum Fragmenta (TrGF) — C. 1.72 T10. F4.
8. Edmunds L. The Sphinx in the Oedipus Legend // Oedipus. A Folklore Casebook. ed. By Lowell Edmunds and Alan Dundes. - The University of Wisconsin Press, 1995. - P. 152.
9. Аполлодор. Мифологическая библиотека. - М.: Астрель, 2004. - 352 с. - С. 83.
10. Apollodorus. The Library. With an English translation by James George Frazer. - London, 1921. - 476 p. - P. 348.
11. Galit Hasan-Rokem and David Shulman. Untying the Knot. The Riddles and Other Enigmatic Modes. - Oxford University Press, 1996. - 328 p. - P. 265.
12. Пимонов В., Славутин Е. Загадка мифа об Эдипе. Вестник Европы. Том XXXI-XXXII 2011. - С. 293.
13. Thompson, E. M. Introduction to Facsimile of the Laurentian Manuscript of Sophocles. - Society for the promotion of Hellenic studies, 1885. - 236 p. - P. 15.
14. Catenaccio C. (2012). Oedipus Tyrannus: The Riddle of the Feet. The Classical Outlook, 89 (4). - p. 102-107.
15. Musurillo, H. Sunken Imagery in Sophocles' Oedipus. Classical Philology 78 (1957). - P. 36-51.

WHAT IS THE MYTH OF OEDIPUS: TO THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF THE PLOT

© 2021 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology (Denmark), professor emeritus.

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School.

Moscow, Russia

Object of the article: the myth of Oedipus. **Subject of the article:** the structure of the Oedipus story. **Purpose of research:** the analysis of the specific characteristics of the story of Oedipus which distinguish it from a traditional folklore story. **Research methods:** methods of the structural and semantic analysis applied. **Results:** The author argues that the specific nature of the story of Oedipus is characterised by the "prophetic" function of the combination of two interrelated motifs: the number motif and motif of feet. Those motifs, which are conveyed in the riddle of the Sphinx by the words "four-footed", "two-footed" and "three-footed", semantically connect with each other the riddle, Oedipus' fate and his name (Οἰδίπους). The riddle about a creature which changes the number of its feet corresponds to 1) Oedipus' biography (he changes the number of his feet when he becomes "three-footed" - a blind man with a staff); 2) Oedipus's name (which foreshadows the answer to the riddle - "man" (alias "two-footed") as part of the name Οἰδίπους - δίπους means "two-footed"); 3) number symbolism related to Oedipus ("three days" after Oedipus' birth his father pierced his feet and cast him upon a hillside; Oedipus killed his father where "three roads meet"). **Field of application:** literary studies. **Conclusion:** The author argues that story of Oedipus is a result of the semantic adaptation (accommodation) of a traditional folklore story to the ancient numerological riddle about a creature with a changing number of feet by adding of the imagery connected to the number motif and motif of feet. The systematic manifestation of the number motif and of motif of feet on various levels of the structure suggests that the "telling name" of Οἰδίπους ("swollen foot" and "two-footed") has been integrated into a traditional folklore tale in order to semantically adapt it to the ancient riddle about "feet". *The author is indebted to Svetlana Gracheva, Dan Whitman and Oleg B. Zaslavsky for stimulating discussions and helpful advice.*

Key words: myth, riddle, Oedipus, Sphinx, plot, structure, motif, foreshadowing.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-110-115

1. Aristotle. ed. R. Kassel. Aristotle's Ars Poetica. - Oxford: Clarendon Press, 1966. - 1453 b.
2. Pindar. Ody. Fragmenty. Vtoraya Olimpiyskaya pesnya (Odes. Fragments. Second Olympic song). - М.: Nauka, 1980. - С. 39-40.

3. Propp, V. YA. Edip v svete fol'klora // Fol'klor i deystvitel'nost' (Oedipus in the light of folklore // Folklore and reality). - M.: Nauka, 1976. - 328 s.
4. Aarne-Thompson. ATU-AT-Motif: Realistic Tales. - S. 931.
5. Levi-Strauss C. The Structural Study of Myth // The Journal of American Folklore. Vol. 68, No. 270. Myth: A Symposium (Oct.- Dec., 1955). - PP. 428-444.
6. Athenaeus. Deipnosophistae. Kaibel. In Aedibus B.G. Teubneri. - Lipsiae, 1887. - C. 10.75.
7. Tragicorum Graecorum Fragmenta (TrGF) — S. 1.72 T10. F4.
8. Edmunds L. The Sphinx in the Oedipus Legend // Oedipus. A Folklore Casebook. ed. By Lowell Edmunds and Alan Dundes. - The University of Wisconsin Press, 1995. - P. 152.
9. Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka (Mythological library). - M.: Astrel', 2004. - 352 s. - S. 83.
10. Apollodorus. The Library. With an English translation by James George Frazer. - London, 1921. - 476 p. - P. 348.
11. Galit Hasan-Rokem and David Shulman. Untying the Knot. The Riddles and Other Enigmatic Modes. - Oxford University Press, 1996. - 328 p. - P. 265.
12. Pimonov V., Slavutin Ye. Zagadka mifa ob Edipe The Riddle of the Oedipus Myth. - Vestnik Yevropy. - 2011. - Tom XXXI-XXXII. - C. 293.
13. Thompson, E. M. Introduction to Facsimile of the Laurentian Manuscript of Sophocles. - Society for the promotion of Hellenic studies, 1885. - 236 p. - P. 15.
14. Catenaccio C. (2012). Oedipus Tyrannus: The Riddle of the Feet. The Classical Outlook, 89 (4). - P. 102-107.
15. Musurillo, H. Sunken Imagery in Sophocles' Oedipus. Classical Philology 78 (1957). - P. 36-51.